

«Причудливы память и зренье»

Виктор НАВДУШ

Родился в 1952 году в Хабаровске. Служил на Тихоокеанском флоте. Печатался в многотиражных и городских газетах, а также в коллективных сборниках. Автор двух поэтических книг: «Координаты сердца» (2000 год) и «Войди в мой дом» (2003 год) – лауреат литературной премии имени К. Нефедьева. Живет и работает в Магнитогорске.

Фото Евгения РУХМАЛЕВА.

Хватили коварного света,
Шагнув из божественной тьмы.

Причудливы память и зренье.
Поди разберись в чудесах.
Мне помнятся лишь озаренья,
Тебе – лишь «колючки» в глазах

Память

Нет, не закончены списки
Павших за наше знамя.
Молча стоят обелиски,
Чтоб не молчала память.

Память – хранилище скорби.
Память – источник веселья.
Память нам спины горбит.
Память растит нам крылья.

Не эти фантастические виды
С орбит околоземных кораблей
Мне помогли представить
габариты
Планеты потрясающей моей.

Нет, я не в кресле у телеэкрана
Вдруг ощутил,
как крохотна Земля.
Я это понял в центре океана,
Земную пыль сметая с корабля.

Не делай опытов, поэт,
Как незадачливый художник.
Твое ли это: форма, цвет?
Отчасти лишь,
ведь ты заложник

Того особенного дара,
Чья суть проста и коротка –
Не описание цветка,
А извлечение нектара.

Не держу на жизнь обиду
За превратности в судьбе,

И стихами панихиду
Не служу я по себе.

Принимаю, бога ради,
И хвалу и похвалу:
У жары учусь прохладе,
А у холода – теплу.

Я ничего не сочиняю,
Я просто говорю, что есть,
И душ чужих не расчленяю,
Чтоб сокровенное прочесть.

Своей души разоблачитель
Бреду неведомой тропой,
Не ученик и не учитель,
Не поводырь и не слепой.

Должно быть, собираю камни:
Ищу в руинах и в золе
Стихи, как пульс и как дыхание,
Как признак жизни на земле.

В окнах стареньких моих –
Образ клиник.
Ничего не видно в них,
Только иней.

Там за окнами зима:
Снег, морозы.
Маюсь в комнатах – в томах
Скучной прозы.

Вечереет за стеной,
За кирпичной.
Окна синие – сплошной
Лист больничной.

Замкнутый круг

Придя ко мне женой от бога,
С годами стала ты, как мать.
Мне впору снова улетать
От материнского порога.

Просветление

В пейзаже за моим окном
Все до тоскливости известно,
Да и пейзаж-то, если честно,
Не просится на полотно:

Верней, до срока не просился.
Но вот совсем с недавних пор
Очнулся мой дремавший взор,
И вмиг пейзаж преобразился

И засиял, подобно фреске,
Что на божественный сюжет.
И сквозь мирские занавески
Теперь я вижу этот свет.

Накануне

Еще не окончилось лето
И нива моя зелена,
Но в свежем дыхании ветра
Иная повадка видна.

Аккорды зеленой фиесты
Еще продолжают шуметь,
Но где-то другие оркестры
Негромкую пробуют медь.

Терпеливо, словно
В градуснике ртуть,
Жду, пока надежда
Есть на что-нибудь.

А когда надежды
Нету ни на что,
Я играю в игры
Вроде «Спортлото».

На гарнизонной гауптвахте
Писал стихи, момент словив,
Не о «губе», как о де-факто, –
Писал о море и любви.

Потом во сне у батареи,
Что грела из последних сил,
Ко мне приплыл, на солнце рея,
Фрегат любви – и я приплыл.

Уезжаю, провожает
только дождь,
А других мне провожатых
и не надо.
А другие – суматоха и галдеж
И недужная дежурная бравада.

Уезжаю. Грустный дождик
тут как тут –
Не придумать лучше времени
и места:
Все спует и все наводит
чистоту
Ритуала одинокого отъезда.

Игра с калеккой

Кольцо из обручного круга
И щит, прибитые на ствол.
Какая в детстве это мука –
Играть с калеккой в баскетбол.

Во мне бунтует плоть живая,
Кривить душой я не люблю,
Но у него нога кривая,
И я кривлю, кривлю, кривлю.

Мы с ним играем до упада,
Мы поровну берем кольцо.
И для меня почти награда
Его счастливое лицо.

Сестре Надежде

О, детство – ярчайшая мета:
Как будто нечаянно мы

Коллаж Ирины ЖУРАВЛЕВОЙ.

И не страшат меня ничуть
Ни груз, ни возраст, ни дорога.
И я готов хоть завтра в путь...
... Но все от бога, все от бога.

У моря

Казалось, к морю я бегу,
Как за подмогой неотложной.
Увы, торчу на берегу,
Как на обочине дорожной.

И волн протяжные броски
Шумят-гремят неумолимо.
И мнится: пролетают мимо
Порожние грузовики.

И только сейнер, что вдали,
Как призрак юности, кочует,
По старой памяти врачует
Мой дух, уставший от земли.

Молитва

Он думал, это охлаждение,
А это было мастерство.

Не дай мне, Боже, мастерства,
Того холодного умения
Слагать стихи без вдохновения.
Не дай мне, Боже, мастерства.

Ты дай мне лучшее озорства,
Продли в душе такую редкость.
Как непосредственность
и детскость.
Не дай мне, Боже, мастерства.

Я отпустил свое авто,
Как расторопное такси,
Сказав огромное «мерси»
За все, а главное за то,

Что я успел, что я успел
Добраться с ним до тупика,
Пока не наступил предел
И время есть еще пока.

Я отпустил свое авто,
А с ним и то, и то, и то.

Какой удачный ракурс
У вида из окна,
Когда, подобно праху,
Я рассыпаюсь на

Своей лежанке древней,
Откуда вижу лишь
Верхи седых деревьев,
Да кромки белых крыш.

Да парочку нелепо
Торчащих телесниц.
И небо, небо, небо!
И стаи вольных птиц.

С. Васину

Ты говоришь мне про Алтай
С улыбкой тихой.
Про тот заветный, дивный край
С природой дикой.

О той земле, завет Христа
Века не знавшей,
Где не намолены места
Молитвой нашей.

Где, может быть, лежит табу
На судьбоносном,
Где ты пытаешься судьбу
Оставить с носом...

Мело, мело по всей земле
Во все пределы.
Свеча горела на столе,
Свеча горела.

Б. ПАСТЕРНАК

Е. Е.

Мело везде, но в том углу,
Где было дело,
Электроплитка на полу
Светила-грела.

Случайный светоч ночевой.
Как все лучилось!
И не случилось ничего,
И все случилось.

И сквозь года над болью мук
Безгрешной пытки
Сияет нимбом яркий круг
Электроплитки.